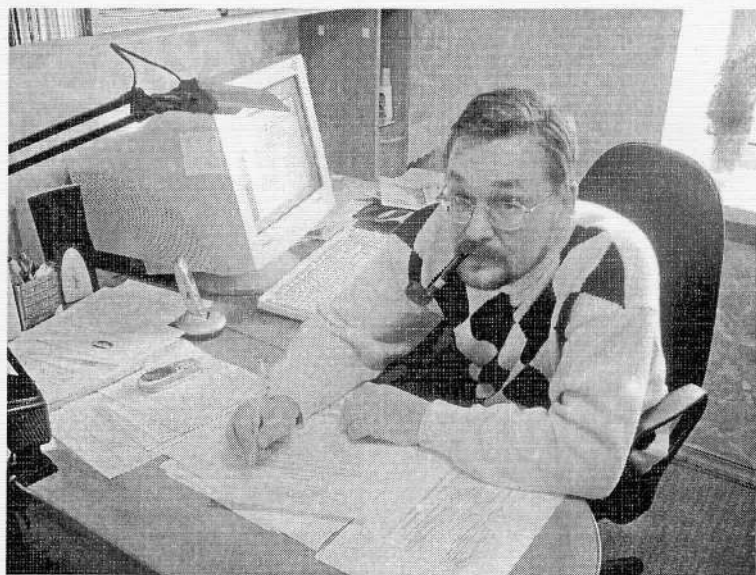

Сергей Ильиных

ТАВРО КОЗЕРОГА

Шадринск
2004

ББК 84(2Р)6
И 46

Ильиных С. В.

Тавро Козерога. – Шадринск: Издательство ПО
«Исеть», 2004. – 76 с.

ISBN 5-7142-0578-2

© Ильиных С. В., 2004

* * *

А события — мимо, мимо...
Растворяются в них друзья.
Что взлелеяло и вскормило —
Невзначай позабыть нельзя.
Не в бреду ль отбродила брага?
Не в жестокости ль жизнь вразброс?
Из-под век проступает влага —
Вот ответ на любой вопрос.

* * *

Заливаются псы без умолку,
И гудят по-весёлому печи.
Только смотрит затравленным волком
Вечер.
И приходит на сердце усталость,
И движеньями правит беспечность,
И всё мнится: в окно постучалась
Вечность.

РОДДОМ

Маме

Да, когда-нибудь на скором,
Неизвестный и хмельной,
Я приеду в этот город
Просто так, на выходной.
Как же память-то бездонна!
Разыщу, разбитый сном,
Остов старого роддома
С перекошенным крыльцом
И, оглохший, вдруг услышу
Голос твой над головой...
Я под этой смертной крышей
Принял самый первый бой.
Мама, мама... Неужели
Всё – история: роддом
И двенадцать дней сражений
Меж сиротством и родством?

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

Ты рада мне.
Ты очень рада мне.
Твои глаза сияют
Тёплым светом.
И кажется, что наступило лето.
И рожь заколосилась...
На стене.
В твоей квартире властвует покой.
И я невольно время вспоминаю,
Где жизнь была
Хорошая такая,
Где были мы, лишь я —
Совсем другой...
Где, часто сидя в окруженьи книг,
Задумчив был я,
Хмур,
Неразговорчив,
А ты ходила рядом...
Между прочим...
Как добрый ангел,
Вызванный на миг.
Давно-давно,
Всё было так давно!
Охрип твой голос от
Воспоминаний.
А вспомни,
Не была ли мама
С нами?

Была, конечно, —
Я далёк от снов.
Она на кухне, сидя у стола,
Вновь — крестиком —
Свой коврик вышивала
И песню про рябину напевала,
И — пьяного —
Отца домой ждала;
И вздрагивала,
Если за окном
Почудятся
Шумы кулачных схваток,
И думала:
Да вроде поздновато
На улице устраивать погром...
И был отец.
Ты помнишь?
Он стоял,
Подпёр косяк могучими плечами,
В одной руке —
Большая кружка с чаем,
В другой окурок
Пальцы обжигал.
Да-да, он тоже рядом был, отец...
Любитель драк
И выпивок дешёвых...
А сколько он за жизнь свою прошёл их!
Но, как в кино,
Известен был конец.
Как странно:
Неожиданна беда,
Хотя давно пригелась
В нашем доме —

Она вам всем гадала по ладони,
А я в утробе...
Смерти
Ожидал.
Как знать, как знать,
Не я ль тому виной,
Что смыслу вопреки, но —
Всё же выжил?
Ведь я родился вовсе
Не бесстыжим,
С фантазией
И с трезвой головой.
Но вот забава
Думать о былом!
Всё в прошлом.
Даже наши фотоснимки...
А мы живём.
И кружим, как снежинки,
И падаем, и падаем...
В альбом...

ДОМИК

Памяти отца моего

Позови меня обратно в эту глушь.
Мне не надо ровным счётом ничего.
Будет домик, неказист и неуклюж,
Наблюдать за счастьем рабства своего.
Заживут в нём одержимость и печаль.
А под вечер, как заслуженный упрёк,
Проскрипит над дверью сломанный фонарь,
Чтобы ветер его к звёздам уволок.
Будут осенью с «Уральской наливной»
Падать к домику червонные плоды,
И запляшет над чумазою трубой
С чёрным чёртиком напару рыжий дым!

КВАРТИРА № 6

Знакомьтесь: жилище холостяка.
Тут солнечный луч наблюдает украдкой,
Как чья-то чужая приводит рука
В унылый порядок уют беспорядка,
В котором привычной беспечности нет,
Но есть лишь разумное творчество лени,
И запахи кофе, вина, сигарет –
Не хуже, чем запах цветущей сирени.
Здесь днём по-отечески мудрый Сезам
Советует в тихий мирок окунуться,
А рядом, в угоду безлунным ночам,
Попутно преследует призрак беспутства:
Уж в пастыри ревностно просится бес,
И ночь – как одно затяжное дыханье,
И нет уже дела до горних небес,
До слёз, до раскаянья и покаянья!
Здесь трещинки змейками по стене
Ползут, заполняя пространство собою,
Как будто решительней станет вдвойне
Всё то, что готово к последнему бою
За равное право на дерзкий дебют
В попытке унять расторопное время...
И здесь незаметно когда-то убьют
Весёлый народ – холостяцкое племя.

СТРАННИК

Из этих мест, овеянных моей
Загубленной изменами любовью,
Я уходил тропой дикарей,
Отхаркиваясь порченою кровью.

Взирал печально сумрачный восход,
Хлестала осень моросью угрюмой
И, словно всё предвидя наперёд,
Не соглашался шаг с восставшей думой.

Но правила в который раз поправ,
Чужую совесть лестью заболтав
И ни о чём уже не беспокоясь,
Я в уходящий погрузился поезд.

Ни ветра трёп, ни трепетанье птиц
В предчувствии ускоренного гона —
Не восстановят вырванных страниц,
Не ссадят из разбитого вагона.

Смахнул слезу последний огонёк...
И тут шепнул мне ангел осторожно
Из-за плеча: ты сделал всё, что мог,
И даже то, что было невозможно.

* * *

Запоздало звезда отметит
Пропадающий в небе след...
Уплыву я от вас в расцвете
Заразительно звонких лет.

Ненадолго отчалою в гости —
Где-то там, в голубой тиши,
Златорогий трудяга косит
Переросшие камыши.

Он расчистит мою дорогу
В затерявшийся древний грот.
Я в себе подавлю тревогу:
Принимайте... приехал вот...

Я туда доплыву однажды.
Помахав, опущу весло.
Мой товарищ кому-то скажет:
«Понимаете, повезло!»

Повезло? Обновляют где-то
Чёрный крест, что не выбрал ты...
Ощутите себя планетой
Из созвездия Доброты.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Избегнув ленисти лукавой,
по коридорам потайным
души, не тронутой отравой
(что часто величают славой),
приди к хранилищам своим.

Там на дверях – печать разлуки.
Там за дверями ждут тебя
судьбы протянутые руки...
Так отопри! И в первом звуке
найди приметы слова «Я».

О, жаркий трепет нетерпенья,
когда рождается впотьмах
из ничего, из ошущенья
едва заметное брожение...
О, как велик бывает страх!

И как тогда бывает плохо...
Штурмуешь призрачный редут,
и вот – по капелькам, по крохам –
на трон болезненного вдоха
стихи усталые взойдут.

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

О. В. К.

1

Я брёл в апрель, как много лет назад.
При каждом шаге сердце спотыкалось.
О, как искал я твой случайный взгляд!
О, как пленяла сладкая усталость –
От поисков, заведомо пустых –
На перекрёстках пройденных дорожек!
И понял я, что нет тебя дороже,
Что онемел мой безотрадный стих,
И снова в острие карандаша
Барахтается глупая душа,
Пугаясь откровенного признанья...
Скажи мне, кто придумал расставанья,
Когда бесценен каждой встречи миг?
Мне не понять предвзятости подобной.

Но если слово вдруг сорвётся в крик –
Пойми меня, пожалуйста. Попробуй...

2

Попробуй же принять меня всерьёз.
Я начисто лишён самообмана
И, наблюдая за паденьем звёзд,
Уж не ловлю их неводом тумана,

Как в юности, — всё это позади.
Теперь иное народилось чувство,
Которое уловками Прокруста
Я тайно приспособил на груди —
И вот почти седеющий пострел,
Что снова оказался не у дел,
Свою ревниво охраняет ношу...
Ах, как легко однажды сесть в калошу!
Когда-нибудь я страхи подавлю
И сам, нагим, рискну идти по краю...

Тебя устроит бледное «люблю»,
А я с волнением кротким — обожаю.

3

С волнением кротким я накоротке.
Хотя чего, казалось бы, стыдиться?
Привычны будни, коль в твоей руке
Давненько прижилась уже синица,
Готовая в любой момент воспеть
Всё то, что раньше не было воспето.
А что любовь? Для всякого поэта
Она лишь повод, а иначе — плеть,
Погонщица невысказанных слов,
Которым нужен стихотворный кров
И тяжкие уроки совершенства...
Но сколько мук великих и блаженства
В загадочном брожении, когда
С тобою вместе воздыхают рощи!

Когда б не это маленькое «да» —
Влюблённому бы много было проще.

Мне проще отказаться от себя.
 Но ты чиста и трепетно ранима.
 Судьбу твою за платье беребя,
 Нечаянно не повредить бы имя,
 Рождённое от солнца и волны
 В согласии с законами Вселенной.
 Не зря же преклоняются колена
 Счастливых волевых, что не вольны
 Оспаривать решения! Иной
 Страдает так, что платит головой,
 Стремясь непоправимое поправить.
 Однако нет в любви разумных правил!
 Составить их я тоже не берусь
 И тем уже доволен, что не смею...

Я от себя с восторгом откажусь —
 И это всё, что в жизни я умею.

Что в жизни я имею? Лишь билет
 До станции с названием Разлука.
 Предвижу, что минует пара лет —
 Болезненных, как чья-то оплеуха,
 Блестящих, словно самый главный приз, —
 И я сочту их милою забавой.
 А ты меня вниманием побалуи
 И любящей на время обратись
 Из жалости... Я так же одинок
 И заточён в духовный свой острог
 Суровое влачить существованье,
 Где помыслы по клеткам рассовал я

И крепко запер памяти ключом...
Но как судьбу сумеем провести мы?

О чём ты? — спросишь. Я скажу: о том,
Что жалость и любовь несовместимы.

6

Зачем несовместимости стена
С поспешностью воздвигнута меж нами?
Ах, только б знать — и будет снесена
Моими неумелыми руками
В мгновенье ока! Только намекни
Кивком или уже известным жестом,
Что все мосты пора открыто сжечь нам —
И я зажгу волшебные огни,
Каких и гениальный не дал маг!
Ведь чудо чаще прячется в умах,
Нешуточной разгорячённых страстью,
И вопреки капризному ненастью
Лишь выход ищет... Это первый сон,
Что по ночам крадётся к изголовью.

Каким бы неуместным ни был он —
Он всё равно останется любовью.

7

Поверь, что мне совсем не всё равно.
И я не чужд весенних искушений.
Твоё — в потёмках — яркое окно
Манит и, словно яблочко мишени,
Отталкивает робкого стрелка
И вновь зовёт пытаться свою удачу...
Так дай мне к благосклонности в придачу

Последний шанс! Не смейся свысока
Над вящей неуклюжестью манер –
Ведь я и впрямь неважный кавалер
И далеко не княжеского рода...
Да что такое знатная порода
В сравнении с безумием сердец,
Отмеченных божественным касаньем!

Напрасно ли замешивал мудрец
Для ложки счастья бочку с наказаньем?

8

По горло наказанием я сыт.
А жизнь всегда одни даёт рецепты:
Покуда «Я» твоё не доболит,
И до конца покуда не ослеп ты –
Вступай в игру невинных женских чар
И наслаждайся радужной надеждой,
Что где-то с терпеливостью мятежной
Тебя другой покорно ждёт причал...
Не отвергай, о женщина, потом
Того, что принесла с собою в дом
Помпею и вулкан противоречий!
В пылу терзаний пресловутый нечет
Нередко прочный образует сплав
Гармонии семейного уклада...

Всему земному славу ниспослав,
Прошу тебя я: стань со мною рядом.

* * *

Замирая, снег в окно летит,
И минуты так однообразны...
А зима за пазухой хранит
Дерзкие по замыслу проказы.

Ты скользнёшь с опасного крыльца,
Раскрывая душу ей навстречу,
А потом полюбишь до конца
Вечера, когда колдуют печи.

У зимы глаза, как у щенка,
Добрые.
Но помнишь, между прочим, —
Даже летом — как горит щека
От её неласковых пощёчин.

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Оборолó коварное слово...
Без опаски, беспечный ведун,
Я себе нахаманил такого!
Сирой клячей плетусь в поводу.

Равнодушно встречаю рассветы
И с тоскою гляжу на закат.
Эх, дорожка разбойная, где ты
Схоронила заветный булат?

Где твоя заждалася сторожка
Тех, кто сердцем крутенок и мил?
Видит Бог: пошалил бы немножко —
Как, бывало, мой прадед шалил!

А чего... Помирать без опаски
Веселей и почётней вдвойне:
Хоть сгожусь для рождественской сказки,
Словно закусь при добром вине.

НОКТЮРН

Плывёт, плывёт
хрустальный звон.
Какие думы будит он?
То дружбы тихой
чистый глас
пленит
и будто манит нас:
пора!
Пора, печаль запей,
глуша
железный
звон цепей,
не зная ласковых причин
для злых наветов...
Ты — один —
сидишь и куришь у окна,
и ждёт свидания
луна,
и невозможно
превозмочь
той черноты,
где чахнет ночь,
и где в светлеющей тиши —
не место
для пустой души...

СЛЕДЫ

Благословенье твоему побегу!
С весёлым буйством лёгкого винца
Так торопко бежала ты по снегу
От моего туманного крыльца.

И словно скован ласковою ленью,
И улыбаясь, будто невпопад,
Я своему внимал соизволенью
В немом строю восторженных рулад.

О, Бог ты мой! Твоя ли это жалость
Пришла на помощь, сердце растопив,
Когда моя гордыня унижалась
И камушком катилась в обрыв?

Так пусть опять, как прежде, стынут клёны:
Твой образ в их заснеженных ветвях...
А я согреюсь шарфиком зелёным,
Который ты забыла второпях.

ЖЕНЩИНА У ЗЕРКАЛА

Зачем без пользы пред тобой стою...
Глаза чисты —
возможно ль не поверить?
Ты отнимаешь молодость мою,
и горше не придумать мне потери.
Всё кажется: морщинки второпях
бегут к лицу, согласно потакая
тебе, о зеркало...
Да растворится в прах
вся роскошь отворванного рая,
что так умело прячешь за стеклом.
Приучена давно я
без жеманства,
без ложной лести
властвовать вдвоём
и полюбить сумбур непостоянства.
Так отчего тоскую пред тобой —
глаза в глаза,
но глаз поднять не смея?
Разбитая бессмысленной борьбой,
смогу ли я
стать капельку сильнее,
о зеркало!

ПЕПЕЛЬНОЕ

Что мир казался бледно-одноликим
И что когда-то были мы вдвоём,
Письмо моё единственной уликой
Осталось тлеть в хранилище твоём.

Правдивым быть старался я и кратким,
Но не сумел. И вышла наконец
На двух листах постыдной лихорадки
История разрозненных сердец.

...Отчётливо я слышу чью-то поступь.
То памяти тяжёлые шаги.
И хоть тебе наверняка непросто –
Сожги письмо. Пожалуйста, сожги!

НЕВЕСТА

Оступилась ненароком на бегу –
Оказалась, как снегурочка, в снегу.

А прохожий так настойчив был и смел –
Спелым яблочком румянец заалел.

Горячее побежала в жилах кровь,
Окрутила девку первая любовь.

Шли по улице с парнишечкой вдвоём –
Расцветал на солнце белый окоём.

А нагрянула весёлая весна –
Ни покоя, ни заботушки, ни сна...

Словом, вволю понатешилася, всласть!
Вместе с яблонькой фатой обзавелась.

ВЕСЕННЯЯ ДУРЬ

Весна, весна!
Зачем же ты издревле
дурманом
обволакиваешь Русь?
Пьяным-пьяны
качаются деревья —
пойду и я, наверное,
напьюсь...

И пусть на мне
твои бренчат оковы,
визируя
неплановый визит,
когда наш кореш —
местный участковый
моей персоне
«мойкой»
пригрозит —
не уступлю я
занятый рубеж, но
пойду на мировую:
«Старина,
весна — ведь это...
так же неизбежно,
как солнце утром,
а в ночи луна,
как жизнь и смерть
с их общим узким устьем;
весне — и той
отпущен
малый срок...

Давай, братан,
по чарочке пропустим —
не на дорожку,
а на посошок...»

А ты, весна,
взмахни-ка опахалом —
роди себе
поэтов и певцов;
тогда и я,
уже не вполнакала,
твою красу
оплакивать готов!

МЕЖДУ ВДОХОМ И ВЫДОХОМ

Володе Шадрину

Давят годы мне на плечи,
Меркнет нрав.
Кто сказал, что время лечит, —
Был неправ:
Всякой в нём довольно смуты...
Может быть,
Шлёт оно свои минуты
Нас — добить?
Столько сделано ошибок —
Нету слов.
Столько принято ушибов
И пинков...
Брёл, бежал — хоть по лбу тресни —
Напролом!
Что скулить? Итог известен:
Поделом.

* * *

Что вам душа моя, скажите?
Что вам судьба моя? Ведь я –
Лишь одинокий грустный житель
Российского небытия.

Как вы, годами искалечен.
Как вы, с собою не в ладу.
Всё чаще думаю о вечном
И чуда жду... от смысла дум.

И пусть я изредка читаем,
Но мне хоть что-то удалось...
Я даже стал сентиментален,
Как будто мало в мире слёз.

* * *

Сквозь разбитые очки
Смерть не кажется случайной.
Я скажу тебе: почти
Мир минутою молчанья.

То не сказочка была –
Жизнь, по-дикому простая.
Вновь двуглавого орла
Покусала волчья стая.

Я скажу тебе: готовь
Горсть обугленной землицы –
Похоронка на любовь
Поспешает от столицы.

Значит, памяти опять
Возвращаться гневом пьяным.
Значит, вдовам целовать
Только чёрные тюльпаны...

ВЕСТНИК

Давно теплом не балует погода.
Всё тучи, тучи, тучи над страной.
А где-то там, за кромкой небосвода,
Звенит зари звоночек озорной.

Вздохнёт сосед: «Такого не бывало...»
Вздохну и я... Мне нечего сказать.
Ну что тут скажешь, если над Уралом
Висит проклятья чёрная печать?

Вздохнёт сосед – и эхом отзовётся
Печальный вздох продрогших тополей.
Лишь воробей, предчувствующий солнце,
Чирикнет чище, громче, веселей.

* * *

Вновь весна забрасывает сети –
Уж туман колдует над рекой...
В полнолуние, в сумеречном свете
Мысль не поспевает за строкой.

В эту ночь пьянящего апреля
Я о многом мог бы рассказать,
Но стою я, строчками прострелян,
И одно твержу себе: молчать...

Да куда мне с вёснами тягаться!
Тщетно всё, коль разрывает грудь.
Даже если очень постараться –
Всё равно сегодня не уснуть.

* * *

Воробьи гарцуют лихо,
Лужи вдребезги разбив.
Ах, весенняя шумиха,
Самый искренний мотив!

Сосны гордой колоннадой
Утверждают жизни власть.
Ничего-то мне не надо,
Лишь бы жить не суетясь.

МАРТОВСКИЙ САВАН

Бежало всё в тартарары:
Ручьи, машины, время, люди...
Играли тысячью прелюдий
У школы вопли детворы.
И мерзок был простудный март
В преддверьи лета и гулянок!

Опять будильник спозаранок
Зовёт бессовестно на старт
И не даёт никак забыть,
Что ты ещё кому-то должен,
Что не спросив Шекспира дожил
До сокровенного «не быть»...

СТРАННИК-2

Не жалости прошу, но понимания,
Что игр планет беспечных не учёл.
О, солнце, одолей снега изгнания!
О, исцели укусы белых пчёл!

Ты помнишь, помнишь?
Был так величален гимн
Из тех глаголов, что сумел найти.
Ура, ура лучам твоим отчаянным!
Виват, виват их вольному пути!

Я верю: сгинет сумрачное марево,
Растает лёд несбывшихся надежд,
И на челе моём сверкнёт испариной
Тепло, что мы не ведали допреж...

НА СМЕРТЬ ПЕВЦА

Геннадию Фофанову

Обожди, старина, не шути –
Это так на тебя не похоже!

Побираясь, как пёс, в пути,
Время кости столетия гложет.

Для поминок не пробитый час
Огрызнулся укусом пираньи.

Я заметил, что в первый раз
Не рубцуются старые раны.

И теперь хоть кричи, не кричи,
Ненасытной болью измотан...

Будет эхо в глухой ночи
Окликать заплутавшие ноты.

ХУДОЖНИК

Юрию Юдину

Ты встречаешь меня
Неприступным, неистовым, чуждым...
В эту пору, когда
Поневоле хворобой храним
И бежишь суеты,
И томишься вниманьем натужным, –
Никогда не узнать,
Коим замыслом ты одержим.
Никому не понять
Излучения скорбного света
В развороте плеча
И в пальбе из-под хищных бровей:
Это память твоя,
Осторожною кистью задета,
Выплывает на холст
Силуэтами странных теней.
Будто детство бурлит
В раболепном рывке к воплощению!
Вот могутная мать
У остывшей хлопочет печи...
И, забытый давно,
Призывает сознание к скрещению
Этот вымерший мир:
Не молчи... не молчи, не молчи!
Ну, а я в стороне
Посижу, покурю – и внезапно
Собираюсь домой.
Не мешай-ка, мол, сам. Отвяжись...
На пороге опять
Я услышу привычное: «Завтра
Приходи, и тогда
Мы с тобой потолкуем за жизнь».

В. Н.

Бывало, я душу носил коромыслом,
Сорил неразумно купюрами слов...
Но мир наполнялся особенным смыслом
Под лёгкою поступью ваших шагов.

Бывало, покажется жизнь бесполезной,
Как будто не будет утратам конца...
А вы отыскиали крупинки железа
В чертах моего воскового лица.

Бывало такое, что целые сутки
Хандру я вымачивал в добром вине...
А вы терпеливы и преданно чутки
Всегда оставались к стихам и ко мне.

Везенье, наверно... Понять невозможно.
Я снова пытаюсь сторицей воздать,
Но как? Может, доброе слово? Ну что же:
Да будет над вами Его благодать!

СТРАННИК-3

Я решил, что мне предстала вечность.
И в таком нервическом бреду
Надо мной сжималась бесконечность
В самую зловещую беду.
И прозрел я: странником скитайся
И терзай пресыщенную плоть,
Коли жизнь – сплошное разгильдяйство,
А в душе роится колобродь.
И пошёл... И был не раз я мечен
Той кипенью канувших времён,
Что по-братски пеленает плечи
И ведёт паломника в полон.
И дерзнул я истово проститься –
Ради звёзд погасших впереди...
Но открылась вещая десница
На моём томительном пути.
Будто вихрь в воинствующем танце
Над моей пронёсся головой!
Я забыл о ветреном скитальце,
О дорогах страсти огневой.
Где теперь моё блуждает имя?
Поискал – но так и не нашёл.
Лишь душа, по-прежнему ранима,
Шепчет мне: всё будет хорошо...

ЧУЖОЙ

Когда в покойные минуты
Душа твоя погружена –
Не миновать мне лёгкой смуты,
Ведь ты по-прежнему одна;
И я, не зная подоплёки
Твоих мучительных причуд, –
Такой чужой, такой далёкий
И не любим тобой ничуть.
Как будто мы – едва знакомы –
Судьбу вершили наугад:
Поправ житейские законы,
Наш мир крушением чреват;
Как будто были понарошку
Слова, пролитые дождём;
Присев на дальнюю дорожку,
В четыре стороны уйдём...
Но в этот миг скулящим стоном
Мой дух взрывается в груди!
И я, припав к твоим ладоням,
Шепчу тебе: «Не уходи...»

КАРА

Любимая, ты так сейчас далёко,
Что мёртвой хваткой жизнь берёт в тиски.
В груди не стук, а журавлиный клёкот,
И времени медлительны ползки.

Зову тебя! Но зрак ночей пустынных
Взирает яро, сумрачно – да так,
Что даже звёзды в небесах остыли,
И потускнел божественный черпак.

Я не приемлю эту кару Божью.
Пошли письмо мне: где же ты и с кем?
Вся плоть моя, пронизанная ложью,
Сжимается в предчувственной тоске.

Зову тебя... один на белом свете...
Не ровен час, однажды разобьют –
В мгновенье ока – так и не заметив,
Любви моей божественный сосуд.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Тёплой ночью в июле
Темнота не бывает кромешной.
То не звёзды мерцают –
Это я, освящённый печалью,
Тёплой ночью в июле
Лунный невод тяну. И неспешно
Лепестки опадают
На ромашке. Последний –
К венчанью.
Тёплой ночью в июле
Так легко основание мрака
Прозревает надеждой...
Но в щемящем, на выдохе, звуке
Тёплой ночью в июле
Распознаешь в мелодии страха
Вызов страсти мятежной –
То доверчивый голос разлуки.
Тёплой ночью в июле
Полонит окаянное детство!
Разберёшь на осколки
И, собрать не сумев
В одночасье,
Тёплой ночью в июле
Осознаешь: отныне не деться
От внезапной поломки...
Это в сердце поселится счастье.

СВАДЬБА

Заплутал
в лесу опять я.
Жаркий день катил к концу...

Глядь —
берёзку в белом платье
тополёк ведёт к венцу.
Сизокрылая пичужка,
словно сваха под хмельком,
хвалит лучшую подружку
перед лучшим женихом:
— У невесты-то осанка...
просто глаз не отвести!
Даже матушка полянка
не скрывает
за-ви-сти.

Восхищаются опять:
— Ах, какая красота
эти серьги из агата,
это платье...
А фата!

Где-то рядом, у опушки,
шустрый маленький ручей
сыплет звонкие частушки
под ансамбль скрипачей:
— Что нерадостна, девица,
слёзы горькие ручьём?
Лучше в речке утопиться,
чем рыдать пред алтарём.

Залетел бродяга ветер —
всё затихло сей же час,
а потом вдруг
листья,
ветви,
травы —
все пустились
в пляс;
всё кружилось
и вертелось,
всё ходило ходуном!..

Ну, и мне не усиделось —
сам
пошёл
плясать
потом.

ПРУД

Старый пруд подёрнут ряской.
Пусто стало на пруду.
И мальки глядят с опаской:
Я по берегу иду.
Я здесь гость, причём случайный,
Знаю, что из века в век
Пруд хранит чужие тайны...
А когда завалит снег,
Тёплый лёд возьмёт в объятья —
Вспоминает он шальной
Шелест девичьего платья
Над притихшею водой.
Вспоминает, как с поклоном
Небо шлёт дождинки вниз;
Утром, с посвистом знакомым, —
Пенье выпавшихся птиц...
Всё старательно он вспомнит,
Каждый день и каждый миг.
Иногда в горячем споре
На рыбёшек пошумит.
И готовится заране —
Как весна расчистит гладь —
На плечах катамараны
С ребятишками катать.

СТРАННИК-4

Шелестят листки календаря.
Суета окучивает будни.
Где котомка рваная твоя,
Прикипевший к дому старый путник?
Ты забыл движение непогод,
Ты отринул солнечную ласку.
День и ночь – уже который год –
Я твою разыскиваю сказку.
Под дождём упорствует скрижаль,
Не желая мрачных разногласий.
Под улыбкой прячется: «Не жаль...
Всякий путь... не менее опасен...»
А вверху по-прежнему парят
Облака, и жест их бескорыстен...
Вновь и вновь с листком календаря
Ты срываешь древнюю из истин.

SANKTA ANNA

Под лютым холодом изгнания
Душа молчит. И мают сны
Твою каморку, sankta Anna,
В разгар зловещей тишины.
Спокойна спящая орлица...
Листы нетронутые – впрок...
Но вот опять к тебе стремится
Вдрызг запыхавшийся звонок.
О, то не весть и не прощенье –
Обман, обман чарует слух:
Во все невидимые щели
Вползают тени царских слуг.
Ладони, тронутые кровью...
Когда же утро, бог ты мой?
Не повела, очнувшись, бровью,
Лишь спичку твёрдою рукой
Взяла, зажгла и – закурила,
Прошлась по клетке взад-вперёд.
Ещё жива... Ещё есть сила,
Что тянет в следующий год –
Сынок... забывчива под старость,
Сыночек... Значит, надо жить;
Хотя немного уж осталось
Воображение потрошить.
О, sankta Anna, sankta Anna!
Когда тисками стиснет вдох –
Тебя с покорностью печальной
У трона первой примет Бог.

* * *

Как любить тебя?
Безоглядно ли,
иль с мужицкою хитрецей?
Помнишь,
тихо снежинки падали,
словно скованные лентой,
и сверкали огни весёлые
в окружении нежных звёзд...
Новый год наступал.
Но всё ли мы
принимали тогда
всерьёз?

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

В небе нимба полукружье
Робко вспыхнет и растает.
Резко вздрагивают лужи
От шальной ребячьей стаи.
Вот заходится в падучей
Тень холодная, а следом,
Выплывая из-за тучи,
С барских плеч одарит плодом
Солнце – в бархатной короне.
Мир – с такого перепою!
Ничего не надо, кроме
Солнца, луж и...
Нас с тобою.

НИЧЕЙ

Прости мне прегрешения мои:
Как при луне – приливы и отливы...
Хотя б на миг терпенье сохрани,
На милость гнев неправедный смени,
Покуда зреет замысел счастливый,
Нависнув над невидимой строкой
Едва-едва колышущим виденьем.
Покуда не грозитя смерть клюкой,
Не пой псалмы свои – за упокой
Души бродячей. Мучаясь бездельем
Во мраке нескончаемых ночей
Под возгласы и вопли паровозов,
Пытаться спать – и не сомкнуть очей
Лишь потому, что я опять ничей,
И ждать меня нет смысла. До морозов...

ЗАБЫТЫЙ ВОКЗАЛ

Мне цыганка гадала весной,
Что вот-вот повстречаюсь с тобой.
Я подумал: да что за пустяк...
Но поверил и отдал трояк.

И с тех пор я в свой паспорт вписал:
Место жительства – шумный вокзал;
Как в доспехи, в молитвы залез,
Чтоб привёз тебя синий экспресс.

У старух я скупаю цветы –
Вдруг сегодня появишься ты?
Только станция наша мала
И экспрессу «зелёный» дала.

Ах, в отца, говорят, я упрям!
Я старухам сторицей воздам...
Но меняет окраску листва –
Снова жизнь оказалась права.

Спит в глубоком тумане луна.
Я тумана изведаль сполна.
Я давно уж не дерзок, не смел
И не жду никаких перемен.

И бегут, и бегут поезда...
Им уже не вернуться сюда –
На забытый тобою вокзал,
Где тебя я весь век ожидал.

ДЯДЯ ГРИША

Дядя Гриша помер на рассвете.
Остывала трубка на столе.
Был он тих, лицом печально-светел,
А дожить мечтал аж до ста лет.

Был он тих, как спящая царевна.
Без гроша и злобы за душой...
Целый день не ведала деревня
О беде – такой вот, небольшой.

Ночью ветер, верностью колышим,
Бережно отчаянье пронёс.
Это во дворе у дяди Гриши
Отпевал его бедняга пёс.

МАЛЬЧИКИ

Лобастые мальчики – взгляд нараспашку, –
Они существуют не благостей ради:
Как в парус вонзаются ветры в рубашку,
Коленки прошиты осколками ссадин!
А ночью, у сонных, как звёзды лучатся
Следы – на лице – золотистого лета;
Их в губы застенчиво чмокает счастье,
Их сердце луной сердобольной согрето.
Им, видно, давно не нужны одеяла –
Под ними скрывают трусливую душу.
Им в жизни чего-то всегда не хватало...
Чего?
Эту тайну и я не нарушу.

УРА!

Это было.
Когда-то, где-то...
Я не знаю наверно сам...
Просто было.
Чудное лето.
Вольный вылет по небесам...
Это детство,
Всего лишь детство!
Это явь
На кончике сна —
Удивительное соседство!
Вот опять манит тишина,
И пространство
Чего-то странно
Ожидает,
Невмочь понять,
Что какой-то мальчонка
Рано
Просто вышел
Рассвет встречать.

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

Не колдуй надо мной, Асипава.
Отсуши меня, отсуши.
Что за дьявольская отрава
Баламутит родник души?

Отчего так призывно звонок
В околотке полночный крик?
То из чрева любви бесёнок
Неожиданно вдруг возник.

Разорвав золотые звенья
Той цепи, что плели в бреду,
Он сплавлял по реке забвенья
Наших тайных надежд звезду.

А потом ты бросала кости
Мне, зверёнышу своему!
Их я грыз на твоём погосте,
В непроглядную скалясь тьму.

Но теперь я решил: разрушу
Этих чар колдовской расчёт...
По мою безгрешную душу
Вызывал тебя к жизни чёрт.

СТРАННИК-5

Наступит миг –
и к аду или раю,
гонимый сном,
шагну я налегке...
Но прежде выйду,
молнию поймаю,
зажму как меч
в слабеющей руке
и,
обретя достоинство под ливнем
и трижды тем мечом
перекрестясь,
сознанием своим полусонливым
нащупаю
утраченную связь.
Зачем томиться
таинством вчерашним...
Отрину я
взлелеянную грусть
молчания,
предстану говорящим
и с тихим словом
к небу обращусь:
«Вершитель мой!
Не ты ль остался с теми,
кого уж нет?
Пришёл и мой черёд...
Но дай мне шанс

оплакать наше время —
что было,
есть
и что
произойдёт.
О, дай мне сил
в попытке обернуться,
забрать с собою часть
моей вины
и — напоследок —
робко усмехнуться
над дивною улыбкой сатаны...»

БРЕД

Жениться? На тебе?! Ну что за бред...
Юродствуя, любовью зарекаться
и всякий раз бросаться на запрет,
как заурядный дурень камикадзе
иль в самом скверном смысле скоморох
дешёвых и слащавых опереток,
который на язык, быть может, меток
и сам чужой не жалует порок,
но лишь завидит пару дивных ножек —
он тут же их решительно стреножит,
а после об пол отбивает лоб...
Потом пойдёт, предвзятости пригубит
и кается навзрыд, кусая губы,
что он капризной истины холоп...

ПОЭТ

Руку на сердце – а сердце молчит.
Что же в груди непрестанно стучит?
Сон ли походкой ленивой бредёт,
Иль закипает отчаянный год?
Или трусливой душе вопреки
Старые лезут наружу грехи?

Пал за спиною надломленный свет:
«Ты заблуждаешься, ты не поэт –
Ты порожденье немой пустоты,
Что из себя представляешь – не ты».

Снова зловещий сгущается мрак.
Мёртвым на пятки ступает чудак.
Вьётся спиралью обманный тоннель...
Где-то вверху завывает метель.
Холодно... холодно... руки согреть...
Но изо рта вырывается смерть:

«Ты заблуждаешься, ты не герой.
Поздно. Смирись. Возвращайся домой».

Господи! Мысль не послушна губам.
Волю свою добровольно отдам –
Лишь бы сейчас наконец обрести
Сил и тепла на остаток пути.

ОТШЕЛЬНИК

Прими меня обратно, отче, —
Каким когда-то приводил.
Я встречу издавна пророчил,
Но ждал, пока во мраке ночи
Угаснет мой наивный пыл.

Теперь готов: я мир оставил
В его величии пустом,
Прикрыл потресканные ставни —
И эхо вновь молитвы давней
Не пропускает старый дом.

А в келье молча и послушно
Внимают мыслям образа.
И я уже немного трушу...
И вот уж держат мою душу
Холодной вечности глаза...

ТАВРО КОЗЕРОГА

Уходил, успокоенный, прочь
От заветного места...
Я тебе не сумею помочь —
Оставайся невестой.

Из немалого скопища воль
Мне досталось немного,
И тавром обозначена роль
На рогах Козерога:

Зарядив на прощанье ружьё,
По-мальчишечьи глупо
Я расстреливал сердце своё
Добровольной разлукой.

ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

Меня ли ждёт пустая плаха вех,
Коль сердце – эта взбалмошная птица –
Шалит, шалит в груди и, как на грех,
Всё норовит когтями зацепиться?
И я ложусь. Давай, браток!
Вас называют колдунами –
Так поколдуй с моими клапанами,
Чтоб я опять дышать спокойно мог.
Но резво рвётся главная аорта,
И врач в крошечной тишине
По технологии аборта
Выскабливает сердце мне –
И я мечусь в горячечном огне:
Прощай, прощай, пустопорожний век!
Тебе осталось мысленно молиться
За выходцев из племени калек,
Чья участь предначертана: больница
Да скальпеля зловещий вид –
Над тушей – в неуклюжих лапах
Заправленного спиртом эскулапа,
Который знать не знает, где болит,
Но, повинувшись прихоти капризной,
Разрежет плоть! А после под столом
Готов рыдать в халат за тризной
И грезить о втором больном –
Не одураченном отчизной...

НАШЕСТВИЕ

Утром прошли корабелы
Строим неровным, и вот —
По небу призраком белым
Парусник лёгкий плывёт.

Бьётся на рее устало
Порванный стяг золотой.
Кто там стоит у штурвала
В шляпе с седой каймой?

Кто произносит молитвы,
Прячась в шершавую тень?
Кто в ожидании битвы
Нас намечает в мишень?

Вот надвигается тучей
С западных сумрачных гор
Крепкий, тяжёлый, могучий
Чёрный красавец линкор.

Прячемся! Мы уходили,
Друг мой, от разных погонь!
Поздно... Опередили...
Сверху раздалось: огонь!

* * *

Осень совпала с моею весной.
Осень печаль пролила на пейзажи.
Что происходит сегодня со мной?
Словно под занавес заново зажил,
Словно впервые истому полей
Облачком чистым на небе приметил...
Чем бесполезнее — тем веселей
Просится сердце ночами из петли!
Я не кричу, но с вершины сосны
Позднее эхо откликнется глухо...

Снова я вижу тревожные сны
О похождениях гордого Духа.

* * *

Бабые ли лето умы всполошило,
Встречи мне жёлтая дарит метель.
Бродит и бродит в доверчивых жилах
Горькой любви заблудившийся хмель.

«Ратуйте! – крикну своим сердцедам, –
Ратуйте и предъявляйте права!»
Снова, ко всем моим болям и бедам,
Льстит и ласкает людская молва.

Снова душа забарахталась в порче:
Водка да хлеб... Запасаешься впрок.
Я ли не знал, как пристойно порочен
Белыми нитками шитый мирок...

РАССТАВАНИЕ

Раз листочек, два листочек
Наземь, оземь головой:
Всё — от тропочек до кочек —
Устилает лес листвою.
Бурый, красный, рыжеватый...
Вон пятнистый — погляди,
Словно птенчик, виновато
К дорогой припал груди.
Долго-долго он прощался,
Ветром северным гоним,
А потом не удержался —
Улетел куда-то с ним.
В вихре танца разноцветном
Отплясал — и был таков,
Сосчитать успев при этом
Переулки меж стволов.

ИЗ ДНЕВНИКА

Осенью чёрною ночь еле-еле
Входит в рассвет, растворяется в тень...
Нет, невозможно согреться в постели –
Скверной простудой приветствую день.

Ах, отчего в непогоде бывает
Так, что по улицам разных столиц
Шастает ветер и даже не знает
Наших желаний, походов и лиц?

Я ничего для себя не придумал –
Просто живу в голубом сентябре,
Делаю дело... И нате – продуло,
Словно девчонку по юной поре.

Я ведь неделю на улице не был!
Тут же зараза обрушилась враз,
Срочно бегу за лекарством, а мне бы
Вместо таблеток – слова про запас...

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Я помню день сырого сентября.
Тогда в саду вы выкинули номер –
Безудержным влечением горя,
Спросили резко: «Ты ещё не помер?»

Не приведи... попасть на ваш прицел!
С меня лукавых не сводили глаз вы,
И я, виной опутанный, пропел
Подобие сонат из твёрдых гласных.

И вновь терялся в символах примет:
К разлуке или скорому венчанью?
Но вот теперь, с поспешностью ответ,
Я вам стихами всё же отвечаю.

К несчастью, жив... А как сейчас живу –
Зачем вам знать? Всё это очень странно:
В уме пишу последнюю главу
Не начатого вовремя романа.

* * *

Меня здесь нет. И здесь меня не будет.
Осенним звёздам я принадлежу.
Пусть каждый раб судьбу свою осудит,
Но я судьбы своей не осужу.

Когда во мне откликнутся устало —
На миг надежды — ваши голоса,
Я буду падать звёздочкою малой,
Как свет надежды, в грустные глаза.

Когда устам придёт предназначенье
Отдать долги: за слово — крестный круг,
Откликнусь я на кроткий скрип качели
Как самый верный, самый первый друг.

СМЯТЕНИЕ ЧУВСТВ

Я им не сказал «уходи» –
Ушли окаянные други...
А после искал по округе
Я их золотые следы,
И в каждом живительный дождь
Сверкал и искрился, и жалость
С сомнением в душе уживалась –
Так с правдой сживается ложь.

Но минуло время, и вот
Шаги возвестили о встрече.
Увы, в этот памятный вечер
Здесь муза уже не живёт:
Я снова послушный слуга
Застолья на скорую руку...
И вновь призываю разлуку
В друзья, чтоб отвадить врага.

ПОД СЕНЬЮ ОСЕНИ

Просохли на солнце поленницы дров.
Пируют, устав от забот, лесорубы.
Поля в ожидании – скоро Покров,
И небо начнут разрисовывать трубы.
Осталось немного совсем подождать:
Деньки убывают, минуты считая,
На землю вот-вот снизойдёт благодать,
Ленивых снежинок закружится стая,
И станет на сердце по-детски светло,
Забудутся знойного лета занозы,
Однажды помашет волшебной метлой
Метель озорная и...
Грянут морозы!

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Обещали день погожий,
Оттого душа — вразброс...

Больно, часто бьёт по коже
С ветром спорящий мороз!
Заплетаются в смятение,
В горсть блудливой кутерьмы
Перепады настроенья
С перепадами зимы.

Ох, уж эти наши сроки...
Повелось из года в год:
Ошибаются пророки
И властители погод.
Вот опять, прогноз читая,
Диктор сердце холодит.

Где ты, оттепель святая?
...Приходи.

* * *

Достойна ль сожаления разлука,
Когда свою диктует волю рок?
Прошу тебя, божественная злюка,
Запнуться вновь о сирий мой порог.

Я шубу помогу тебе повесить,
Согрею воду, чаем угощу,
А сто твоих правдоподобных версий
Я в космос, как ракеты, запущу.

Пускай они средь звёзд навеки канут,
Взамен оставив неприметный след...
Сожгу я лютой ревности сутану
И выкину злословья пистолет.

Давай вдвоём пройдем чрез очищенье
Взаимного и кроткого «прости»:
Понять друг друга – лучшее решение,
Вернее нет и не было пути.

P. S.

Заслуженный газетный лист,
Усида дворников и прачек!
Как дерзок твой и неказист
Весь этот вымысел горячий,
Где что ни строчка – то кроссворд,
Где что ни слово – то уловка,
Где всё всегда наоборот:
Военный путч – лишь потасовка,
Хорошим выглядит плохой,
Великим – глупенький воришка,
Где даже солнце над страной
Кому-то кажется излишком.
А если ты остался чист,
То, стало быть, и здесь нечисто...
Прости меня, газетный лист,
Что я дерзнул быть журналистом.

СОДЕРЖАНИЕ

«А события – мимо, мимо...»	3
«Заливаются псы без умолку...»	3
Роддом	4
Письмо к сестре	5
Домик	8
Квартира № 6	9
Странник	10
«Запоздало звезда отметит...»	11
Рождение стиха	12
Вольные сонеты	13
«Замирая, снег в окно летит...»	18
Перед рождеством	19
Ноктюрн	20
Следы	21
Женщина у зеркала	22
Пепельное	23
Невеста	24
Весенняя дурь	25
Между вдохом и выдохом	27
«Что вам душа моя, скажите?...»	28
«Сквозь разбитые очки...»	29
Вестник	30
«Вновь весна забрасывает сети...»	31
«Воробьи гарцуют лихо...»	32
Мартовский саван	33
Странник-2	34
На смерть певца	35
Художник	36
«Бывало, я душу носил коромыслом...»	37
Странник-3	38
Чужой	39
Кара	40

Предчувствие	41
Свадьба	42
Пруд	44
Странник-4	45
Sankta Anna	46
«Как любить тебя? Безоглядно ли...»	47
После ливня	48
Ничей	49
Забытый вокзал	50
Дядя Гриша	51
Мальчики	52
Ура!	53
Золотая цепь	54
Странник-5	55
Бред	57
Поэт	58
Отшельник	59
Тавро Козерога	60
Операция на сердце	61
Нашествие	62
«Осень совпала с моею весной...»	63
«Бабье ли лето умы всполошило...»	64
Расставание	65
Из дневника	66
Последняя глава	67
«Меня здесь нет. И здесь меня не будет...»	68
Смятение чувств	69
Под сенью осени	70
Ожидание весны	71
«Достойна ль сожаления разлука...»	72
P. S.	73

Ильиных Сергей Владимирович

ТАВРО КОЗЕРОГА

Редактор А. М. Бритвин

Сдано в набор 3.12.2004. Подписано в печать 16.12.2004. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 4,42. Уч.-изд. л. 5,32. Тираж 500 экз. Заказ № 1820.

Издательство ПО «Исеть», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской области, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

